

— Тётушка Чэн, вы не понимаете. Я это к тому, чтобы наше знакомство не вышло слишком легкомысленным.

— Какое еще легкомысленное? Ты что, идти не хочешь, что ли?

— Да нет же, просто... Сложно объяснить, вы сами все увидите, — Су Хэвэн отмахнулся.

Тётушка Чэн лишь покачала головой, решив, что у парня явно не все дома. Ну где это видано? На смотрины каждый норовит надеть всё лучшее. Если своего праздничного одеяния нет, так у соседей займут — обычное же дело, хоть на свадьбу, хоть на сватовство друг у друга вещи одалживать. Все ведь хотят сойтись. И девки, и парни расписывают себя с лучшей стороны, особенно женихи — иначе кто на тебя посмотрит-то?

— Послушай меня, сынок, — вздохнула тётушка Чэн. — Время еще есть, возьми такси да съезди переоденься. Или хоть штаны у кого приличные займи.

Она сердилась: парень словно нарочно пытался выставить её дурой. Увидит девица такого замарашку и решит, что сваха подсовывает ей первого встречного проходимца. И рассказывай потом, какой он завидный жених — никто и слушать не станет. Разве ж так людей сводят? Тут не благодарить, тут костить на чем свет стоит будут!

Однако Су Хэвэн и ухом не вел. Стоял на своем с самым невозмутимым видом: пойду, мол, как есть.

Видя, что парня не переупрямить, тётушка Чэн махнула рукой. Жених-то он, конечно, завидный, да только с головой, похоже, не дружит.

Прошло еще немало времени, прежде чем в дверях показалась женщина лет пятидесяти в сопровождении молодой особы с высоко задраной головой. Опоздали они больше чем на час — девица, судя по всему, решила продемонстрировать всю свою неприступность и набить цену по полной программе.

Тётушка Чэн поднялась, откашлялась и принялась представлять стороны. Старшая женщина сразу оглядела жениха с явным сомнением и начала расспрашивать. Но сваха была тертый калач — за плечами не один десяток устроенных браков. Хоть её и бесила дурь Су Хэвэна, язык у неё был подвешен дай бог каждому.

Кое-как ей удалось удержать мать с дочерью, которые уже вострили лыжи к выходу. А дальше Гоуданю и Ван Сюаню пришлось выслушать настоящий допрос с пристрастием. Будущая теща выводила всё до мельчайших подробностей, будто в загсе. Тётушка Чэн, верно, уже выложила им всю подноготную, но те всё равно решили устроить проверку заново — процедура, прямо скажем, малоприятная.

Бедный Су Хэвэн, собиравшийся поразить избранницу богатством внутреннего мира и душевной широтой, совершенно растерялся. Он то и дело утирал пот со лба. Вся его напускная скромность и загадочность улетучились без следа — из парня едва не вытрясли душу, расспросив чуть ли не до цвета исподнего. Благо тётушка Чэн знала свое дело: пока расспрашивали жениха, она не упускала случая прозондировать почву насчет невесты. Су Хэвэн сидел рядом, мотал на ус и прикидывал, мила ли ему такая пассия.

Слово за слово — у них там завязалась весьма оживленная беседа.

Гоудань с Ван Сюанем устроились на редкость удачно: даже когда за соседним столом понижали голос, Гоудань с его чутким собачьим слухом разбирал каждое слово и тут же нашептывал спутнику. Так они и грели уши, прихлебывая наваристый горячий бульон из баранины — тепло разливалось по телу, даря блаженство.

Пока на том конце зала собеседники стирали языки в бесконечных расспросах, Ван Сюань уже вовсю переживал за родственника:

— Ну и старший брат хорош! Раз уж не хочется душу наизнанку выворачивать, а промолчать неловко, так перевел бы тему. Заказал бы еды повкуснее — за сытным обедом лишних расспросов не ведут. Понравились друг другу с первого взгляда — отлично, можно встретиться еще раз и обо всем разузнать постепенно. А тут устроили следственный комитет с первой минуты... — Он со вздохом покачал головой.

— Знал бы он, как надо, так не сидел бы сейчас с заклинившими мозгами, — хмыкнул Гоудань. — В обычные дни парень хоть куда, а тут выставил себя полным дураком. Опыта мало. Вот если бы он в месяц по три-четыре девки просматривал, живо бы натаскался. Никакой робости бы не осталось, и язык бы не заплетался.

— Глупости говоришь. От такой карусели и умом тронуться можно, да и дурная слава пойдет. Думаю, этот урок он запомнит надолго и больше чудить на смотринах не посмеет.

Насилу пожилые дамы оставили молодых наедине, перебравшись за отдельный столик, чтобы не мешать им общаться с глазу на глаз и проникаться взаимной симпатией. Впрочем, Гоудань краем уха уловил, как будущая теща за своим столом принялась выпрашивать у тётушки Чэн про имущество жениха — похоже, она крепко сомневалась в его щедрых посулах.

Как только старшие отошли, Су Хэвэн заметно приободрился. С его плеч словно гора свалилась, да и девица притихла.

Слушать их дальнейший щебет Гоудань и Ван Сюань не стали — и так ясно, что дело вряд ли выгорит. Мастер Цинь отправил подопечного на эти смотрины лишь потому, что тётушка Чэн уж больно расписывала невесту, вот старик и решил не упускать шанс.

Девка-то собой хороша, спору нет, но Гоудань сразу понял: не пара она Су Хэвэну, уж слишком

разные.

Потихоньку закончив с едой, приятели расплатились и незаметно выскользнули на улицу, чтобы не попасться старшему брату на глаза. А что там будет дальше — пускай сваха расхлебывает. Сложится у них или нет, они узнают дома, хотя оба не питали на этот счет никаких иллюзий.

Дома их ждал мастер Цинь. Отвертеться не удалось, пришлось выложить всё как есть. Старик, на удивление, отнесся к неудаче спокойно:

— Ну, сходили, посмотрели — и ладно. Не подошла — насильно мил не будешь. Хоть года и поджимают, пороть горячку не стоит. Дело-то серьезное, на всю жизнь спутницу выбирает, так что найдем еще.

Сказать-то он сказал, но стоило Су Хэвэну явиться домой с понурой головой, как на него тут же обрушилась буря родительского гнева.

— Взрослый парень, а ведешь себя как мальчишка непутевый! — распекал ученика мастер Цинь. — Не склеилось в этот раз — бог с ним, но в следующий раз изволь подойти к делу с умом. Иди переоденься живее, смотреть тошно!

Закончив выволочку, старик сразу сменил гнев на милость, подошел к тётушке Чэн и принялся рассыпаться в любезностях: мол, вы уж не поминайте лихом, ежели подвернется кто приличный — дайте знать. Сваху проводили со всеми почестями, вручив ей щедрые гостинцы.

Гоудань с Ван Сюанем вволю натешились этим зрелищем. Позже, когда раздосадованный Су Хэвэн немного отошел, они еще долго подшучивали над ним, после чего вернулись в общежитие — на носу была зимняя сессия.

В этом году задерживаться в столице допоздна они не планировали. В родной деревне Сикань как раз закончили строить их новый дом, и нужно было успеть обставить его мебелью до наступления праздников, чтобы встретить Новый год в обновленном семейном гнезде.

Поэтому едва отгремели экзамены, Гоудань первым делом выловил Чэн Шу и велел ему неотлучно находиться в лавке. Оставь его без присмотра хоть на день — ищи-свищи ветра в поле. А если бы компаньон скрылся в неизвестном направлении, самому Гоуданю пришлось бы остаться, что рушило все планы. Время сейчас было самое горячее. Хоть Чэн Шу обычно и не вникал в повседневные заботы, Гоудань раз в месяц честно вводил его в курс дела. Так что при поддержке Чжан Хэна, когда никаких судьбоносных решений принимать не требовалось, Чэн Шу вполне мог присмотреть за торговлей.

Раз уж Гоудань уезжал раньше срока, на хозяйстве должен был остаться хоть один из владельцев. Без пригляда хозяина работники живо обленятся и пустят дела на самотек, а упускать праздничную выручку никому не хотелось.

Работников из дальних провинций распустили по домам пораньше, чтобы те успели обзавестись билетами на поезд до начала новогодней лихорадки. Остались в основном столичные жители да жители пригородных деревень. Этим спешить было некуда, они охотно трудились до самого кануна праздника. К тому же перед Новым годом торговля шла бойко, проценты с продаж капали приличные, так что никто из ближних и не думал уходить до срока.

Тем, кто уезжал пораньше, тоже выделили по небольшому праздничному конверту с деньгами, но, разумеется, обделили теми щедрыми премиальными, что причитались оставшимся на передовой.

Иньтоу и Дафу трудились в столице уже почти год, и никогда прежде они не уезжали из родных краев так надолго и так далеко. Разумеется, Гоудань решил забрать земляков с собой. Хоть парням и жалко было упускать прибыльные дни, тоска по дому перевесила всякую корысть. Стоило Гоуданю предложить совместную поездку, как они без лишних раздумий согласились. Скрепя сердце посмотрев на товарищей, чья дневная выручка росла как на дрожжах, Иньтоу и Дафу отправились в общежитие паковать чемоданы.

— Вот так и поступим. Дел тут особых нет, сплошная рутина, к тому же Чжан Хэн и Лю Сяо-эр всегда под рукой, помогут если что. Так что вся надежда на тебя, приятель. После праздников сведем баланс, и от твоего рвения зависит, с какими карманами мы начнем новый год.

Гоудань отрезал Чэн Шу все пути к отступлению. Попрощавшись вместе с Ван Сюанем с мастером Цинем и Су Хэвэном, они прихватили своих подопечных и двинулись в путь.

Как назло, они попали в самый разгар студенческого разъезда. На вокзале яблоку негде было упасть, толпа бурлила и грозила расплющить любого. Иньтоу и Дафу накупили дома кучу подарков, из-за чего едва не остались на перроне: тюки вышли такими огромными, что самих парней людской поток затянул в вагон, а вещи намертво зажало где-то позади. Так они и замерли в дверях — ни туда ни сюда.

Даже четверо крепких парней пасовали перед этой безумной человеческой лавиной.

Уже в поезде Гоуданю с Ван Сюаню удалось чудом договориться с проводником и доплатить за спальные места в плацкарте, но и там яблоку негде было упасть.

Дорога в такую стужу — чистое мучение. Но что поделать, коли сами выбрали учиться и работать за тридевять земель от родного дома.

— И чего вы туда набили, в такие-то баулы? — удивленно спросил Ван Сюань, похлопав по туго набитому мешку. — Мы ведь заранее выехали, вполне могли отправить посылкой, все бы вовремя пришло.

Иньтоу смущенно поскреб затылок:

— Да как-то не подумали... Раз уж едем, решили всё на себе везти.

— Вот именно, — поддакнул Дафу. — Раз билет куплен, надо использовать место по полной, иначе обидно. Кто ж знал, что тут такое столпотворение начнется?

К слову, проезд стоил немалых денег. Когда они только ехали в Столицу, народу тоже было порядочно, но до нынешнего кошмара тогда было далеко.

— И все-таки, что там внутри? — поинтересовался Ван Сюань.

— Да всячина разная: обувка семейным, одежда теплая, гостинцы к столу. Мы ведь из той лавки, что торгует привозными южными вещами, взяли отрезы хорошей ткани и платья модные. У меня ведь сестренка замуж выходит, хочется, чтобы она невестой была хоть куда, не хуже городских.

— Сяомань замуж выходит? — удивился Гоудань, припоминая девчонку. — Сколько ей стукнуло-то?

В их деревнях на официальные бумажки из сельсовета особо не смотрели: сыграли свадьбу перед общиной, получили благословение родителей — значит, муж и жена перед людьми и богом.

— Семнадцать ей, на два года младше Дагуя. Как начальную школу окончила, так за учебу больше не садилась, всё по хозяйству помогала. Мне родители в письме отписали. Жених из соседней деревни, из родни моей тётки по материнской линии.

Дафу, правда, умолчал о самом горьком: родители торопились выдать девку, чтобы на её выкуп сыграть свадьбу старшему сыну. Как же он злился, когда впервые об этом узнал! Ведь сам уже зарабатывает в городе, неужто семья настолько обнищала, что приходится продавать сестру ради женитьбы брата?

Но старики уперлись как бараны. Ума не нажили, чужих советов слушать не желали и мерили всё со своей убогой колокольни, то и дело принимая глупые, обидные решения.

— Быстро же время летит, — покачал головой Гоудань. — Вчерашние девчонки уже под венец идут. Смотри, как бы тебя самого дома окрутить не вздумали, ты ведь в семье первенец.

— Приеду — сразу расставлю все точки над «и», чтобы даже не думали сватать, — твердо ответил Дафу.

Только попав в столицу, он осознал, в какой тесной и глухой дыре они жили раньше. Столица поразила его своим блеском, масштабами и бесконечными возможностями. Внутри него крепла упрямая решимость во что бы то ни стало зацепиться за этот огромный город. О семье

он пока и думать не хотел: везти молодую жену в съемный угол не позволяла мужская гордость, нужно сначала встать на ноги, пустить корни, а на это уйдет не один год.

— Ну, ты по-хорошему поговори, авось поймут, — сухо приободрил его Гоудань.

А про себя подумал:

«Черта с два они поймут!»

Родители Дафу временами бывали на редкость бестолковыми людьми. Когда Дафу сильно покалечился, Гоудань поначалу списывал всё на материнское горе, но со временем понял: его мать просто привыкла прибедняться перед каждым встречным. И плакалась она совершенно искренне, навзрыд. При этом женщина была глупа и вздорна — стоило делу пойти не по её указке, тут же пускала в ход слезы и брань.

Наверняка и теперь, стоит сыну заартачиться, в доме поднимется плач Ярославны. Будет выть целыми днями, строить из себя жертву, и никакие разумные доводы на неё не подействуют. Будет выжимать слезу из себя и других, пока всех не вывернет.

Гоудань таких людей на дух не переносил. Говорить с ними — только время терять, а его прямой характер органически не терпел бабских причитаний и лишней канители.

<http://bllate.org/book/19654/1996832>